

Сергей Чувашов

Пульс Амазонки. Книга 2. Голос крови

Сергей Чувашов

**Пульс Амазонки.
Книга 2. Голос крови**

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Пульс Амазонки. Книга 2. Голос крови / С. Ю. Чувашов —
«Автор», 2026

Они выжили, но плата оказалась выше, чем предполагал Алексей. Отец, прошедший пятнадцать лет в криогенном анабиозе, не помнит ни лица сына, ни своего имени. Единственное, что осталось, — навязчивый сон о втором артефакте: «Зеркале дыхания», спрятанном в сердце вулкана на западе Амазонии. Без него память отца умрёт окончательно. Аура согласна вести отряд снова, но Бруно отказывается — у него свои счёты с прошлым. джунгли вторгается новый игрок: корпорация «Биохаос», которая хочет использовать технологию Ипексов для создания армии солдат без страха. У Алексея есть три недели, чтобы найти Зеркало, пока отцовский рассудок не растворился в пустоте. Но главная ловушка — не пираньи и не конкуренты. Главная ловушка — он сам: чтобы спасти одного отца, придётся убить другого.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2. Возвращение пса	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Чувашов

Пульс Амазонки. Книга 2. Голос крови

Глава 1.

Человек без клея

Они жили в доме на сваях, где пол скрипел, как старая совесть, а крышу протекала ровно в трёх местах — над кроватью Алексея, над тазом с водой и над клеткой с ручным ленивцем, которого Андрей назвал «Филосов» (с ошибкой, которую отказывался исправлять).

Алексей проснулся в шесть утра от того, что отец играл на губной гармошке. Не мелодию. Один звук — «до» — который он повторял снова и снова, как мантру. Или как ребёнок, который учится говорить заново.

— Пап, — позвал Алексей, садясь на гамаке. — Доброе утро.

Андрей повернул голову. Пятьдесят восемь лет, но выглядел на семьдесят — морщины глубже каньонов, которые он исходил, кожа пергаментная, просвечивающая. Только глаза остались молодыми: зелёные, как мох на северной стороне ствола.

— Доброе, — ответил он осторожно, как будто проверял слово на прочность. — Ты... кто?

Это был их ежеутренний ритуал. Алексей перестал обижаться на третий день. К седьмому — перестал плакать. На четырнадцатый — научился отвечать без боли:

— Я Алексей. Твой сын. Вчера мы ели рыбу с бананами. Помнишь?

— Рыбу... — Андрей задумался, нахмурился, потом лицо его просветлело. — Да! У неё были розовые жабры. Красивые. Как закат.

— Как закат, — повторил Алексей, хотя жабры у тапажосской пираруку были серыми.

Он не поправлял отца. Зачем? За пятнадцать лет в криогенном сне мозг Андрея перезагрузился, как старый компьютер, который забыл все драйверы. Он помнил эмоции, но не события. Помнил красоту, но не имена. Помнил, что любил кого-то, но не знал — кого.

Аура спала на веранде, в гамаке из нейлоновой сетки. Алексей тихо вышел к ней, принёс две кружки какао — не растворимого, а настоящего, из бобов, которые они смололи вручную. Она пила, не открывая глаз, но уголки губ пошли вверх.

— Твой отец опять играет «до»?

— Уже час.

— Прогресс. На прошлой неделе играл полтора.

Она села, потянулась — татуированная анаконда скользнула по плечу, и Алексей в сотый раз поймал себя на мысли, что смотрит на неё как на чудо. Не только на змею. На неё. На веснушки на переносице. На шрам над бровью — тот самый, от ветки при побеге от Морро.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказала Аура, отставив кружку.

— Знаю.

— Медики из Манауса чётко сказали: без вмешательства память не восстановится. Она просто рассыплется. Как старый папирус.

— Знаю, — повторил Алексей. — Но вмешательство означает «Биохаос». А «Биохаос» означает артефакт. А артефакт мы уничтожили.

— Не все. — Аура достала из кармана шорт сложенный лист — страницу из дневника Андрея, которую они нашли в его рубашке при первой стирке. — Читай.

Алексей взял лист. Почерк отца — нервный, с крючками на «т», таким же, как в тетради, что пришла в посылке из Манауса. Но эти строки были написаны чёрным маркером, поверх туши, а под ними — что-то ещё. Символы. Круги. Частота.

«Если ты читаешь это, значит, я в коме. Или уже мёртв. Но смерть мозга — не конец. Ипексы знали способ вырезать память из временной линии и вставить обратно. Есть ещё один артефакт. Не Сердце. Зеркало. „Espelho da Respiração“. Оно не хранит воспоминания — оно их проигрывает заново. Как кино. Найти его можно там, где земля встречается с огнём. Вулкан на западе. Пико-да-Неблина. Но будь осторожен, сын. Зеркало показывает не то, что ты хочешь увидеть. А то, что ты боишься потерять. А иногда — то, что уже потерял, но не знал об этом.»

— И ты молчала три месяца? — тихо спросил Алексей, поднимая глаза.

— Я ждала. Пока он не окрепнет. Пока ты не будешь готов.

— К чему?

— К тому, что Зеркало может стереть тебя. Не физически. А как личность. Если ты не готов увидеть себя со стороны — без масок, без самообмана — не ходи.

С реки донёлся звук мотора. Не рыбацкой лодки — слишком мощный, с глушителем, но не полным. Алексей и Аура одновременно вскочили, потянулись к оружию: он — к мачете, она — к «Беретте», которая спала под подушкой.

Катер вырулил из-за поворота. Чёрный, без опознавательных знаков, с пулемётом на носу и тремя фигурами в бронежилетах. На корме стоял человек в белом костюме, который совершенно не подходил джунглям — ни пятнышка грязи, хотя от Манауса сюда четыре часа по воде.

— Сеньор Градов! — крикнул он, сложив руки рупором. Голос у него был такой, будто он привык, что ему подчиняются. — Я доктор Лима, представитель корпорации «Биохаос». У нас к вам предложение. Мы знаем про Зеркало.

Алексей вышел на причал, прикрывая отца, который выплянул из двери с губной гармошкой в руке.

— Нет у меня никакого Зеркала. И предложения ваши мне не нужны.

— А если мы уже взяли вашу прекрасную спутницу в заложники? — Доктор Лима щёлкнул пальцами, и двое бойцов выволокли на палубу девушку со связанными руками.

Но это была не Аура.

Алексей обернулся. Аура стояла рядом, перезаряжая «Беретту», и на её лице не было испуга — только холодная, рассчитанная ярость.

— Идиот, — сказала она, тщательно выговаривая каждое слово. — Мою сестру ты украл три года назад. Она работает на тебя же. В лаборатории в Сан-Паулу. А это — просто актриса из Манауса. У неё даже татуировка нарисована хной.

Девушка на палубе вдруг перестала изображать жертву, усмехнулась, стряхнула верёвки и зааплодировала.

— Bravo, сеньора Аура. Жаль, что мы не с вами. — Она повернулась к доктору Лиме: — Я же говорила, этот план не сработает.

Доктор Лима побагровел. Потом взял себя в руки, поправил галстук и сказал то, от чего у Алексея похолодело внутри:

— Тогда перейдём к реальным козырям. Андрей Петрович, вы не хотите подойти к лодке? У нас есть фотография вашей жены. Елены. Единственная, которая не сгорела в лагере. Если вы не поможете нам найти Зеркало, мы её уничтожим. А заодно и память о ней в единственной голове, где она ещё жива.

Андрей вышел на веранду. Посмотрел на катер. На фотографию, которую держал доктор Лима — выцветший Polaroid, женщина с русыми волосами и смешливыми глазами. Потом перевёл взгляд на Алексея.

— Лена, — прошептал он. — Моя Лена.

— Папа, не слушай их, — начал Алексей, но отец уже шёл к лодке, переставляя ноги медленно, но уверенно.

— Три недели, — сказал Андрей, подходя к причалу. — Дайте мне три недели. Я вспомню, где Зеркало. Я вспомню всё. Даже то, что хотел забыть.

Доктор Лима улыбнулся. Улыбка у него была похожа на разрез скальпелем.

— Умный старик. Мы даём вам месяц. Но Аура поедет с нами. Как гарантия.

— Нет, — сказал Алексей.

— Да, — сказала Аура и шагнула за борт. Встала рядом с фальшивой заложницей, подняла руки. — Я поеду. Но если с ним хоть волос упадёт — вы не представляете, что сделает лес с теми, кто знает его так же плохо, как вы.

Она обернулась на Алексея. Одним взглядом — быстрее любого сообщения — передала: «Ищи Бруно. Только он поможет. Я вернусь. Жди у вулкана через десять дней».

Катер развернулся и ушёл вниз по реке, взбаламутив воду, в которой отражалось утро.

Алексей стоял на причале, сжимая мачете так, что побелели костяшки. Рядом — отец, который снова забыл, как его зовут сына.

— Ты расстроен, — сказал Андрей, глядя на исчезающую точку. — Из-за женщины?

— Из-за всех, — ответил Алексей.

Глава 2. Возвращение пса

Бруно жил в двух днях пути на юг, в заброшенной миссии иезуитов, где крыша давно превратилась в сад, а колокольня служила гнездовьем гарпий. Алексей нашёл его по дыму — тонкая нитка, поднимавшаяся вертикально в безветренный день, означала, что кто-то топит печь. Или жжёт траву. Или себя — как делал Бруно каждую пятницу, когда накатывало.

Немец сидел на корточках у костра, жарил нечто, что раньше было рыбой, и чистил арбалет — новый, самодельный, из железного дерева и автобусной рессоры.

— Ты пришёл, — сказал он, не поднимая головы. — Значит, кто-то умер или кто-то в беде.

— Ауру похитили. «Биохаос».

— И ты хочешь, чтобы я помог её вернуть.

— Да.

Бруно отложил арбалет. Поднял свой единственный голубой глаз на Алексея. Тот глаз смотрел так, будто видел перед собой не живого человека, а приговор.

— Я убил её брата в Косово, — сказал Бруно. — Не на войне. В пьяной драке. Он был торговцем контрабандой, я — наёмником со спущенным курком. Он оскорбил мою мать. Я выстрелил. Труп бросили в реку. Два года назад Аура нашла меня здесь. Хотела убить. Но не смогла. Потому что я уже был мёртв изнутри. Она сказала: «Живи. Сгниёшь — сгниёшь без меня». С тех пор я её должник.

— Она знает?

— Теперь знает. Я сказал перед твоим приходом. На прошлой неделе. Она не простила. Она просто... поняла. — Бруно встал, подбросил в костёр ветку. — Я иду. Но не ради тебя. Ради неё. И если кто-то из вас двоих умрёт по моей вине — я застрелюсь прямо на месте. Честно.

Алексей кивнул. Молча. Потому что слова закончились ещё на переправе через ту первую реку.

Они собрались за час. Андрей упаковал губную гармошку, три банки тушёнки и фотографию Елены (ксерокопию, оригинал прихватила Аура «на счастье»). Он почти не задавал вопросов, но каждые десять минут останавливался, нюхал воздух и говорил:

— Здесь пахнет серой. Вулкан близко.

— Папа, до вулкана двести километров, — терпеливо отвечал Алексей.

— Значит, я чувствую память о сере. Или будущее.

С этими словами они втроём — учёный-амнезиак, наёмник-самоубийца и археолог-неудачник — углубились в сельву, туда, где земля начинала дрожать под ногами, словно живое существо, готовящееся проснуться.

Первые три дня прошли в монотонном ужасе, который в джунглях называют «зелёной лихорадкой»: когда тропический лес превращает время в патоку, а каждый километр отмеряется литрами пота и тревоги. Бруно шёл первым, прорубая мачете проход в стене лиан. Алексей — вторым, страхуя отца. Андрей — третьим, напевая мелодию, которую никто не мог узнать, но которая застревала в голове как заноза.

На четвёртый день они наткнулись на «людей-грибов».

Это было племя, точнее, то, что от него осталось. Лет десять назад группа наёмников (возможно, Морро, возможно, другие) нашла осколок «Сердца Земли» и попыталась его активировать. Но частота сбилась. Вместо солдат без страха получились люди, чьи нервные окончания срослись с грибницей паразитического аскомицета. Они не чувствовали боли, но и не могли отличить сон от яви. Их кожа покрылась белым налётом, похожим на плесень, а глаза стали мутными, как молоко.

— Не стреляй, — прошептал Алексей Бруно, когда из-за деревьев вышел первый из них — мужчина с луком, но без стрел. — Они не агрессивны. Они... ждут.

— Чего? — спросил немец, не опуская арбалета.

— Звука. Частоты, которая вернёт их обратно. Тот самый «до», который играет мой отец. Андрей, как по команде, поднёс гармошку к губам и взял ноту. Дрожащую, неидеальную, живую.

«Люди-грибы» замерли. Потом, один за другим, опустились на колени. И заплакали. Не слезами — слизистым секретом, который сочился из уголков глаз и капал на землю, где тут же прорастали крошечные белые колокольчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.